

18+

ИСАБЕК АШИМОВ

ОШЕЛОМЛЕННЫЙ МОЗГ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Исабек АШИМОВ

**Ошеломленный мозг. Научно-
фантастический роман**

«Издательские решения»

Ашимов И.

Ошеломленный мозг. Научно-фантастический роман /
И. Ашимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644290-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Кто
где? Я — это Я, или Я — это он? Через опыт и рассуждения, через
эксперименты и дискуссии рассказываются о сложнейших проблемах
пересадки тела к головному мозгу. Роман в какой-то степени продвигает
в умах и сердцах проблему пересотворения человека, проблему эволюции
сознания. Можно ли сотворить ангела из демона или, наоборот, демона
из ангела? Почему бы не допустить, что будущая технология будет иметь
возможность выбора пути «упрощенного» пересотворения человеческой
индивидуальности.

ISBN 978-5-00-644290-0

© Ашимов И.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
Пролог	7
Глава 1	9
Кто жив? Кто мертв?	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ошеломленный мозг

Научно-фантастический роман

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2024

ISBN 978-5-0064-4290-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Заранее согласен со всеми замечаниями читателя, во-первых, по поводу «мозаичности» в изложении материала, а во-вторых, по поводу того, что пришлось соединить социально-психологические мотивы с научно-фантастическими при помощи надуманных приключенческих скреп. Уверяю, что все это мною предпринято лишь во имя раскрутки интересной научной проблемы. Допускаю, что сюжет книги получился «разрисованным», но, однозначно, в нем нет бытовой приземленности. Подтекст романа – пересотворить человека, так, как было «задумано» – практически невозможно. Но... интересен путь к нему, борьба идей и технологий. В этом аспекте, наверное, нельзя было изображать личность профессора бледной тенью на фоне проблемы, а нужно было приоткрыть дверь не только в его научную лабораторию, но и в его умственную, интеллектуальную лабораторию.

Ученые различных отраслей, их многочисленные диалоги, почти протокольные обсуждения на научных форумах и собраниях – это не столько фабульные элементы романа, сколько своеобразная технология «продвижения» в умах и сердцах проблем пересотворения личности. На то и научная фантастика. Хочу сразу же предупредить, что все события, персонажи, имена – вымышлены, а любые совпадения – случайны. Чего не скажешь о научной выкладке. Они вполне реальны, хотя отдельные утверждения спорны по существу. Что касается мотивов. Все началось из-за моего любопытства – а что если? Как известно, научно-фантастическая литература отличается от научно-популярной, узаконенным правом опровергать основные законы естествознания. Я этим и воспользовался.

Под текстом, глухо, – драма двух полумуляжей, один из которых (Салих) после пересадки ему нового тела не захотел смириться со своей «новой» неполноценностью, а другой (Каракулов) – ученый, переживающий кризис чрезмерной абстракции. Драма, безусловно, гуманистическая, но как быть, если в наш век сам гуманизм сдает свои позиции. Можно ли пересадить головной мозг одного человека в тело другого? Можно ли допустить конвейерное пересотворение человека? Может ли эта операция способствовать ускорению эволюции сознания человека? Человек с пересаженным мозгом – это симбиоз чьей-то индивидуальности с другим телом или это совершенно новый индивид? Постепенно сугубо медико-хирургический эксперимент приобрел статус философского эксперимента. Давайте рассуждать вместе и искать ответы на вопрос: как долго может оставаться незыблемым равновесие сил, предусмотренное эволюцией сознания? Очевидно, не спрогнозировав, каким будет человек завтра, нельзя успеть в деле пересотворения человека сегодня. Почему бы не допустить, что будущая технология будет иметь возможность выбора пути «упрощенного» пересотворения человеческой индивидуальности.

Исабек Ашимов

Пролог

Год тому назад клиника отметила свой полувековой юбилей. Просматривая почту с поздравлениями и приветствиями в честь этого знаменательного события, к нам в руки попали два письма, одно из которых было адресовано профессору Каракулову, который полтора года тому назад был уволен из клиники по собственному желанию, а второе – было адресовано пациенту клиники Айкенову Салиху. – Да, тому самому знаменитому нашему пациенту, которому года четыре тому назад Каракуловым была пересажено новое тело. – Да. Это было нашумевшее в свое время событие, но, к сожалению, та операция была из категории эксперимента на человеке. Что подвигло профессора пойти на такую операцию, до сих пор остается загадкой.

Указанные выше письма пришли с далекой Канады, и прислала их, как потом выяснилось, наша соотечественница – Лим Лира, уже давно выехавшая туда на ПМЖ. Обстоятельства были таковы, что оба письма остались без ответа. Во-первых, нам так и не удалось отыскать профессора Каракулова, а что касается другого адресата, то с ним произошла трагедия – он добровольно ушел из жизни спустя некоторое время после выписки из клиники. Что заставило его сделать такой критический шаг, до сих пор также остается загадкой. В прессе тогда писали о том, что трагичность судьбы этого пациента в какой-то степени перекликается с таковой профессора Каракулова, так как именно после этого события он уволился, и больше нигде его фамилия уже не звучала.

Когда журналисты пронюхали, что есть письма, адресованные этим двум людям, то они долго осаждали администрацию клиники, чтобы ознакомиться с их содержанием. Признаться нам самим хотелось бы разузнать не только о причине ухода из клиники Каракулова, причине смерти его знаменитого пациента, но и о судьбе той женщины, которая прислала письма этим адресатам. Нам всем было интересно узнать, что связывало судьбу всех трех личностей. Но как об этом узнаешь? Может быть вскрыть и прочитать письма? Ну, а как быть с неприличием заглядывать в чужие письма. Тем не менее, наконец, любопытство взяло вверх, и мы вскрыли их.

«Здравствуй мой дорогой Салих! Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, мое письмо застанет тебя в добром здравии и хорошем настроении. Я бесконечно была рада тому, что мы снова свиделись. Это судьба! Я ведь и приехала в родной город только ради того, чтобы хотя бы взглянуть на тебя со стороны в последний раз. Если бы ты погиб в той аварии, то нам никогда не суждено было бы встретиться. Это подарок судьбы и тебе, и мне. Я бесконечно благодарна твоему доктору – великолепному хирургу Каракулову. Я ему так и написала: „Благодарю Вас за то, что пересотворили человека – мне близкого, родного, любимого“. В какой-то миг мне самой захотелось открыться ему, потому что он внушал такую уверенность и спасительную для меня надежду. Дело в том, что у меня обнаружили рак печени, а оперироваться у себя я воздержалась, считая, что это мне уже не поможет. А тогда мне рассказали, как он чудесным образом пересотворил тебя и у меня появился какой-то проблеск надежды. Те несколько дней, которые я провела там с тобой, признаюсь, провела в раздумьях: рассказать ему или промолчать о своей болезни. Уверена, что он обязательно помог бы мне, но... я так и не решилась на операцию. Ты же знаешь, что я всегда была фаталисткой. Ведь судьбу не обманешь, не обойдешь. Жизнь прожита, впереди вечная мгла. Жалею лишь о том, что судьба нас так и не свела, а как мы мечтали и строили планы на будущее. Наша судьба оказалась неумолимой. То, что мне удалось с тобой немного пообщаться, уже хорошее утешение. До скончания своих дней я буду молить бога, что бы ты прожил еще долгие годы, в том числе и за меня, и за твоего младшего брата, тело и лицо которого ты сейчас носишь. Перед лицом вечности, которая для меня скоро откроется, я хочу исповедоваться перед тобой. Ты знаешь, что у меня, кроме тебя,

нет никого из родных и близких. Так сложилось, нет и детей. Спасибо тебе за то, что оставался со мной до конца искренним. Можно было бы завершить оставшуюся нашу жизнь вместе, хоть в старости быть вместе. Я долго думала, но, извини меня, я не хотела быть обузой для тебя. Тебя и так потрепала судьба. Понимаю, каково тебе быть в теле своего же брата. Это чувствовалось у тебя в глазах, словах. Но что сделаешь? Такова судьба. Прости меня, что оставила твои просьбы без ответа, что оставила тебя наедине с твоими тяжелыми думами о дальнейшей жизни. Жаль, что не в моих силах изменить все обстоятельства, которые держат нас на расстоянии. Тяжело любить и переживать за близкого человека на таком расстоянии и иногда просто с ума схожу. Твои чувства ко мне остались теми же, от этого мне хорошо даже за много тысяч километров. Странная штука происходит. Вот когда люди рядом, они не ценят свои встречи и проведенное вместе время. А когда случается, что приходится им расстаться или реже встречаться, тогда дорога каждая минутка. Те несколько дней, которые я провела возле тебя, мне очень дороги. Только здесь я осознала, что тратила время на ненужное, лучше бы чаще говорила о том, что любила, ждала, а теперь молю бога, чтобы ты окончательно выздоровел. Ты так тепло и радостно встречал меня, никогда не забуду твои счастливые глаза. Ты, я, мы оба, хранили нашу любовь. Возможно, мы оба сожалеем, что так много времени нам понадобилось, чтобы ценить важное, смотреть на очевидное, а на мимолетное не обращать внимания. Расстояние и редкие встречи расстраивали и меня, надеюсь, и тебя... обида рождала мысли, лишённые смысла. А сейчас смотрю со стороны... глупо, очень глупо мы поступали. Хочу тебе сказать, что ты действительно дорогой мужчина для меня, несмотря на твои очевидные глупости и как никогда я сейчас понимаю это. По-прежнему люблю тебя, стал намного ценнее после нашей последней встречи. С таким признанием и умереть теперь не страшно. Время и лечит и прощает. Что я могу сказать? Перечитав письмо после написания, я вдруг понимаю, что оно совсем никуда не годится, так как вышло слишком грустным и пессимистичным, и отсылать его никак нельзя, тем более тому, кого любишь..., кого хотела бы видеть всегда..., кому сейчас очень непросто.... Долго не решалась послать. Проходили дни, недели... появлялись еще мысли, которые хотелось бы отразить в письме. Но затем все-таки решила отослать, а что касается еще невысказанного и недосказанного, то о них напишу в следующем письме, когда дождусь от тебя ответа. Не тяни с ответом. Знай, что часы мои уже заведены, так что не откладывай. По-прежнему любящая тебя Лира».

Другое письмо, которое было короче, адресовано профессору Каракулову. «Уважаемый доктор! Хочу сказать слова безмерной благодарности Вам – доброму человеку и высокопрофессиональному хирургу. Я очень уважаю Вас за то, что буквально вернули к жизни Айкенова Салиха. Вы его на самом деле пересотворили. Такое не удавалось еще никому. Я хочу Вас поблагодарить за те бессонные ночи и тревожные дни, которые вы провели возле пациента, вселяя в него надежду и желание жить. Я лишь по книжкам читала, что избравшие профессию хирурга, должны быть готовы к самопожертвованию, к невероятным физическим и психологическим трудностям и риску. А теперь я знаю, что в жизни такие есть. Вы настоящий специалист, ученый и хороший психолог, умеющий заглянуть в душу пациента. Вы себе не представляете, каким настырным и упорным является по жизни ваш пациент Салих. У него была трудная судьба, его сломила жизнь. Но я уверена, что он найдет в себе силы и обязательно выздоровеет. Огромное человеческое спасибо Вам за то, что пересотворили человека, близкого мне. Пусть Аллах хранит Вас и Вашу семью! С наилучшими пожеланиями Лира Лим».

Глава 1

Кто жив? Кто мертв?

Наши дни. Поздний вечер. Одна из восьми операционных залов клиники экстренной хирургии. Идут параллельные операции на соседних операционных столах. Склонившись под яркой бестеновой лампой, работают две бригады хирургов, одну из которых возглавляет профессор Каракулов. У него на операционном столе молодой человек, получивший тяжелую черепно-мозговую травму во время автокрушения. Его личность, как впрочем, и личность другого пострадавшего, которого доставили вместе с ним, пока установить не удалось, а потому в графу «Фамилия И. О.» истории болезни пострадавших в приемном покое внесли запись «неизвестный №1» и «неизвестный №2».

Вот убраны осколки свода черепа и вскрыта черепная коробка. Профессор, обращаясь к своему молодому ассистенту Тилеку, с пафосом и с нескрываемым восхищением и неподдельным волнением произнес: «Вот оно святое святых человеческого организма, величайшее чудо и гордость природы, именуемое головным мозгом». Не без волнения он продолжил: «Это серая массовидная ткань является самой таинственной тканью человеческого организма, которую считают зеркалом человеческого мира, вместилищем горя и радости, надежд и разочарований, прозрений и ошибок человеческих...».

Вот так, стоя у изголовья пациента, лежащего на операционном столе, Каракулов предавался размышлениям: – Мозг. В мире он самая высокоорганизованная материя, именуемая «вместилищем сознания», и стимулирован он куда сильнее прочих частей человеческого организма. В любой ситуации организм старается протезировать мозг, посылая ему повышенную порцию крови, кислорода или элементов... Мозг – это загадка, которую вряд ли даже он сам когда-нибудь поймет и познает. А ведь абсолютное большинство людей никогда так и не смогут отчетливо представить себе, насколько сложным образованием является человеческий мозг. Это величайшее изобретение Природы, ее несомненная гордость.

– А знаешь, какой у него незадействованный потенциал? – обратился он к Тилеку. – Ведь все прочее рядом с ним не сложнее детского конструктора. Восхищает то, что потенциальных межнейронных связей здесь во много раз больше, чем атомов во Вселенной их количество выражается единицей с несколькими миллионами нулей.

– Но... – есть но. – Каракулов, задумчиво простояв минут пять, продолжил. – Но с другой стороны именно с помощью мозга Природа вначале восхитилась всеми своими творениями, а затем с ее же помощью убедилась и в обратном, в конечности мироустройства, которую он создал. – Как по твоему, почему? Не дожидаясь ответа, сказал: – Природа убедилась, что, в конце концов, Мир угаснет, как результат и следствие второго закона термодинамики: зарождение – развитие – расцвет – регресс – распад. – Вот это трагедия! – воскликнул профессор и продолжил. – Природа умеет ценить свое высшее творение, а потому она и заточила мозг в замкнутую костяную коробку, чтобы предохранить его от случайных и неслучайных повреждений. К сожалению, даже это не всегда помогает, как впрочем, у этого несчастного, – с грустью в голосе сказал он.

– Да-а-а! Неутешительная картина, – констатировал он, после того как подробно осмотрел мозг, скорее то, что от него еще осталось, по ходу удаляя кашицеобразную кровяную массу, во что превратилась почти вся правая половина мозга. В таких случаях нейрохирурги говорят о размождении мозга. В этом случае мозговая ткань настолько искорежена, и надеяться на то, что он восстановит свою структуру и деятельность, практически не приходится.

– Итак, мой друг! Мозг, как видишь, разможен, что дает нам, к сожалению, полное основание бесславно завершить нашу с тобою операцию. Мы бессильны, что-либо сделать. Затем, сделав паузу, тихо размышлял вслух. – Вот так вот, хирургия может многое, но она не все- сильна и имеет свои пределы возможностей. Жаль, очень жаль! Этот молодой человек не жилец

на этом свете. Но посмотрите, – он обратился к своим помощникам и анестезиологу, – как он хорошо сложен и развит, посмотрите какой у него торс, прямо-таки голливудский герой, эталонный Джеймс Бонд, который как будто бы прилег отдохнуть после очередного спасения мира. И сердечная деятельность вполне. – Все обратили взор на монитор кардиоскопа. Сердце ровно выдает свои кривые, а цифры на табло показывают стабильное пульсовое давление.

Многое прояснилось после того, как к нам в руки попало неотправленное адресату письмо профессора. «Аскен! Мой дорогой друг! Прежде всего прошу извинить меня за беспокойство, причиняемое тебе. Обращаюсь к тебе письмом-откровением, а между тем, это нечто большее, чем обычное послание. Ты всегда был вдумчив и рассудителен и всегда понимал меня лучше, чем кто-либо, а потому и сейчас в особенности надеюсь быть понятым, почему да как? Сейчас я совсем, так сказать, забурился отшельником в горах. Здесь даже электричества нет, не достает и сотовая связь. Ну а то, что отшельничество мне по душе, ты знаешь. Об этом мы даже с тобой однажды так жестоко поспорили. С присущей тебе прямоотой ты сказал: «Зачем это тебе? Мой друг! Мировые проблемы – это не наш уровень. «Кесарю кесарево, а богу – богово». Отшельниками в свое время жили мыслители, которых волновали судьбы мира. А мы кто и что? Так что живи, как живется – среди людей, да и в суете вещей. Это и есть удел простых смертных, таких как мы с тобой и все наше окружение. Если чувствуешь, что устал, и что все тебе осточертело, то вполне хватить пару недель отдыха в каком-нибудь пансионате. Поверь, вся эта дурь в твоей голове, пройдет».

Но слушай мой дорогой друг! Мотивы для отшельничества бывают разными. В моем случае – это уход в себя, побег от самого себя, поиск и познание самого себя без свидетеля. У таких как я стремление к одиночеству – прежде всего острая неуверенность в самом себе, неудовлетворенность самим собой, а не протест против всех и вся. Это у гениев и мыслителей все просто, бывают внезапные прозрения, а таким, как мы с тобой, нужна упорная работа нашего ума, его дисциплина. Ну а попробуй собрать свои мысли, сделать какое-либо обобщение в вечной суете жизни. Черта с два получится! Так, что отшельничество для меня – это лишь прием рассуждать без помех, некий способ разложить мысли и по возможности разобраться в них.

Ну вот видишь опять отвлекся, черт возьми. Но с другой стороны должен был тебе все-таки объяснить истинные мотивы моего отшельничества. Признаться здесь у нас с тобой была недосказанность. Надеюсь, нам еще представится случай обсудить эти вопросы с глазу на глаз. Ну а сейчас давай мы окунемся в позитив отшельничества, когда, я, как автор, имею лишь возможность обратиться к тебе письмом, а оно для любого автора всегда стилистически подвижный, многожанровый и наиболее целостный и критический протокол собственных чувствований и мыслей. Я всегда предпочитал прямому общению письменное, так как именно такой способ имеет, несомненно, большую тематическую и стилевую свободу. Очень часто беседа с глазу на глаз скатывается к болтовне обо всем и в то же время ни о чем. Письмо же имеет свою тему, и как говорят, «линию поведения». Как бы я обозначил тему настоящего письма? Я бы хотел, во-первых, высказать свое откровение по поводу последствий моего эксперимента по пересотворению нового человека, а во-вторых, обсудить с тобой эту проблему.

– Неужели это конец и ничего нельзя сделать? – задавался он. Было видно, что Каракулов находился в состоянии отчаяния и нерешительности. – Неужели ничего нельзя предпринять? Внешне было видно, что его душил жалость к пациенту и одновременно бессилие спасти ему жизнь, предприняв нечто спасительное чудо. – Кто этот незнакомец, кем он является, о чем думал и мечтал, пока не попал на операционный стол? – думалось ему. Крепкий торс, аккуратная внешность, лицо, обрамленное ухоженной бородкой, говорили о том, что перед ним явно одухотворенная личность. – Может художник или его коллега учены, а может быть поэт или какой-нибудь священнослужитель?

Каракулов поймал себя на том, что раньше подобными вопросами не задавался. Ему было все равно, кто лежит под простынями на его операционном столе – высокопоставленный вель-

можа или бомж, старик или юнец, мужчина или женщина. На операционном столе он видел только объект своего рукоделия – органы и ткани, сосуда и нервы, шов, еще шов, шить, отрезать, инструменты, инструменты... Иногда лишь во время обхода уже в реанимационном отделении или в палате знакомился с оперированными накануне ими больными. Таков был заведенный им порядок, его помощники готовили больных к операции, он оперировал, реаниматологи выхаживали, лечащие врачи долечивали. Поэтому организационные и личностные детали его мало интересовали.

А на этот раз все было по-другому. Обычно Каракулов после завершения операции быстро отходил от стола, сухо бросив хирургической бригаде традиционное «спасибо!» На этот раз почему-то он медлил и явно находился в смятении, на его лице отражалась не только жалость, но и замешательство. Вся бригада застыла в ожидании, теряясь в догадках – что бы это значило, чего ждать от него в следующий миг?

– Видимо стареет наш Бакирович, – подумалось Асе, многолетней операционной сестре профессора, – становится впечатлительным и сердобольным. Наверняка Юлий Цезарь находился в таком же состоянии и ожидании, когда он стоял у моста через Рубикон – стоит ли его армии переходить реку или отступить? Она еще находилась под впечатлением от прочитанной книги «Жизнь двенадцати Цезарей». Никогда не думала, что Юлий Цезарь, которого она считала образцом решительности, на грани сумасбродства и отчаяния иногда также проявлял нерешительность.

Профессор, стоя у операционного стола, оставался в раздумье. Скрестив руки на груди, он вот уже десяток минут молчал. Во всей его позе чувствовалось внутренняя напряженность и смятение. Сотрудники знали, что это у него предвестник какого-либо неординарного решения, внезапного порыва. Бригада не ошиблась. Внезапно, как будто бы он возвратился из небытия:

– Коллеги! Посмотрите, – сказал он, – основание черепной коробки целое, магистральные кровеносные сосуды также не повреждены. А что если мы используем эту черепную коробку для размещения другого головного мозга? – с лихорадочным блеском в глазах провозгласил профессор. – Вон на соседнем операционном столе уже почти три часа пытаются безнадежно «заштопать» пострадавшего, у которого повреждены органы груди и живота, но, кажется, у него черепная коробка не повреждена. У него и возьмем его головной мозг, – решительно сказал Каракулов.

– Что скажешь, коллега? – с вызовом и несколько иронично спросил профессор у своего ассистента. Тилек не нашелся, что и как ответить, приняв эту реплику, то ли за розыгрыш, то ли за иронию. В это время профессор, обращаясь к соседним хирургам, еще раз уточнил – есть у вас какие-либо шансы спасти пострадавшего, над которым вы колдуете? На что Наим Сафарович, хирург, возглавлявший соседнюю бригаду, ответил: – Кубат Бакирович. Я сейчас к вам подойду и объясню ситуацию. Но, еще не отходя от стола, он напомнил: – У нас возникла критическая ситуация. У пострадавшего имеет место закрытая комбинированная травма грудной и брюшной полостей с множественными разрывами легких, печени, почек, кишечника. Одним словом, – констатировал он, – имеет место несовместимая с жизнью тяжелая травма.

– Тем более началось нарушение свертываемости крови, – вступил в разговор анестезиолог, стоявший у изголовья пострадавшего на соседнем операционном столе.

Наим Сафарович, подойдя к столу и оглядев операционное поле, заметил: – Кубат Бакирович! Мозги-то этого человека растекаются.

– В том то и дело. А по-твоему, это человек?! Без головного мозга, без важнейшего центра восприятия – это уже не человек, это как принято называть, труп с бьющимся сердцем. Вы то об этом знаете.

– Вы правы, Кубат Бакирович, – произнес Наим Сафарович, не поднимая головы. – Он... он – уже не человек... Кубат Бакирович! С вашим пациентом понятно, теперь пойдете к нам, – пригласил он к соседнему операционному столу.

– Посмотрите, какой хаос царит у нашего больного в брюшной и грудной полостях!

Даже бегло осмотрев то, что творилось в чреве грудной и брюшной полости, Каракулову было достаточно для того, чтобы оценить тщетность попыток хирургов заштопать больного. Уж слишком обширная и тяжелая травма. – Да. Вы правы Наим Сафарович. Здесь действительно несовместимые с жизнью повреждения. Это уже не человек, это анатомический набор, извините меня за такое определение!.. – протянул он.

Стоя возле операционного стола, Каракулов видел тщету хирургов, что-либо предпринять. Он понимал отчаяние Наима Сафаровича. Такое внутриоперационное осложнение, как срыв компенсаторных возможностей свертываемости крови, сводит на нет любые попытки остановить кровотечение. Когда кровь больного уже не сворачивается, а продолжает течь из любого прокола тканей, хирурги образно говорят о том, что «ткани плачут кровавыми слезами, оплакивая скорый конец жизни».

– Что за день такой выдался, – подумал он, – два одновременных кандидата в труп. Неужели ничего нельзя сделать? Интересно, кем является этот незнакомец? Кем приходится он пациенту, лежащему на соседнем операционном столе? Какая судьба свела их вместе? Разглядывая «своего» пострадавшего он мысленно представил, что пациенту внешне можно дать все шестьдесят лет, хилое тело, весь покрытый наколками. – Небось какой-нибудь наркоман, уголовник или бомж. Если повнимательнее рассмотреть, – отметил он про себя, – то среди многочисленных татуировок обязательно найдешь сакраментальные слова типа «Не забуду мать родную» или «Нет в жизни счастья». А вот и оно. Так и есть на левом плече наколка «Прости, мама».

– А как с черепом? – спросил профессор. – Есть ли видимые повреждения черепа у пострадавшего?

– Череп его целый, – отозвался Наим Сафарович. Айдар, хирург, принимавший пострадавшего, также подтвердил, что свод и основание черепа без повреждений и визуально, и рентгенографически.

Получив такой ответ, профессор снова обратился уже к своим ассистентам – что скажете коллеги? Будем пересаживать головной мозг?

Тилек и Саид промолчали, да и ничего вразумительно они и не могли бы сказать. В таких операциях они участвовали не так часто, а потому их нерешительность можно было понять.

– До чего же вы все-таки меланхоличны и нерешительны! – то ли с упреком, то ли с насмешкой он обратился к своим ассистентам. – Сколько вам лет?

– Тридцать, – коротко ответил Тилек.

– А мне двадцать восемь, – изрек Саид.

– А сколько лет вы работаете хирургом?

– По шесть лет, – ответил за двоих Тилек.

– Но ведь вам, для того чтобы стать трансплантологом, приобрести опыт, то есть по существу проверенную жизнь способность к настоящему научному мышлению, нужно лет десять как минимум. Правильно? Тогда прикиньте сколько вам тогда будет годов?

– Лет этак сорок пять, пятьдесят, – ответил уже Саид.

– Вот, вот..., – Каракулов пошутил, – Сорок пять лет – это уже молодые годы тью-тью..., то есть позади и ты вступаешь в средний возраст. Возраст, как сказал один мудрец, – это легко исправимый недостаток. Вы даже и не заметите, как за ним придет пятьдесят лет. А что касается этого возраста, то это некий символический рубеж, после которого, как сказал другой мудрец, человек продолжает идти вперед, но почему-то задом наперед. Так что жизнь не ждет. Она все время подстегивает: работай, работай, с каждым годом все больше, все интенсивнее,

все продуктивнее, иначе застой, иначе деградация, а деградация – это смерть. Так что, мои молодые коллеги, не спите на ходу! Думайте и делайте, делайте и думайте! – закончил он свою тираду.

– Кубат Бакирович! – Тилек робко, но дерзко протянул, – я привык слушать вас серьезно, а вы продолжаете шутить. Ну как всерьез можно говорить о пересадке головного мозга?

– Я не шучу, – нашелся профессор, – я советуюсь с вами, а впредь постараюсь быть серьезным. Но с другой стороны, ну а почему бы вам взять и не задуматься о пересадке головного мозга? Вы что даже не можете предположить, что такое возможно. – А если так, то извините коллеги! Тем не менее попросил вас бы на досуге задуматься о том, что я вам сказал про возраст, про активную жизнь и деятельность. А сейчас думайте, как выйти из сегодняшней хирургической ситуации.

Тилеку стало неудобно за свою резкость. Он честно признался, что это, то есть пересадка головного мозга, которую вознамерился профессор выполнить, у него «не укладывается в голове», на что Каракулов отреагировал каламбуром: – Если это не укладывается у тебя в голове, то мы постараемся уложить головной мозг одного больного во вместилище другого. Все рассмеялись, нервная обстановка в операционной несколько разрядилась, все почувствовали, что напряженность спала, пошли будничные разговоры.

Каракулов не любил шума в операционной, и, когда он оперировал, в зале всегда стояла мертвая тишина. А сейчас, он стоял отрешенно, не обращая внимание ни на шум, ни на разговоры, думая о чем-то своем. Может быть, он продумывал ход операции или же думал о том, если все же решится их прооперировать, как и что придется отвечать начальству или родным этих двух несчастных пострадавших. А ведь стоял вопрос ни дать, ни взять об эксперименте над пациентами, а на кону стояли жизнь и судьба обоих.

– Стоп! Прошу тишины и собранности! – профессор почти выкрикнул. – Решено! Будем пересаживать! Всю ответственность беру на себя! У нас должно получиться, у нас получится. Вперед, друзья! – Произнесено это было решительным тоном, не терпящим возражения. А обращаясь к своим ассистентам, добавил: – Прошу собранности, внимания и четкости. Лишних вопросов прошу не задавать! – предупредил он. – Прошу тишины. Каковы результаты фенотипирования тканей?

– Сходимость девяносто восемь процентов, – сказала анестезиолог.

– Удивительное соответствие. А что они родственники?

– Пока ничего неизвестно, но факт есть факт – сопоставимость и набор фенотипов свидетельствует о явном кровном родстве обоих пострадавших, – ответила анестезиолог. – Иначе даже невозможно представить такую случайность, – добавила она. – Будем полагать, что они либо отец и сын, либо родные братья.

– Ладно, рискнем. Глубокое охлаждение на тридцать минут. Градиент – полградуса в минуту. После изъятия головной мозг нужно подключить к оксигенатору. Вы поняли меня? – переспросил он у анестезиолога.

– Да. Понятно, – ответила анестезиолог. – Все! Неопределенность снята, – то ли с облегчением, то ли с сарказмом заметила анестезиолог Бакыт Капаровна. В операционной засуетились, засобирались, пошли четкие команды и уточнения. Вызвали в операционную перфузологов. Те прибежали и молча начали разворачивать свою аппаратуру, параллельно заказывая одногруппную кровь, вставляя зонды и оксигенаторы, пополняя перфузаты. Лишь после полной подготовки своего оборудования, Алексей Иванович, перфузолог, доложив профессору о готовности к подключению, обратился с вопросом: – Кубат Бакирович, каковы планы?

Алексей Иванович был ошарашен, когда профессор сказал, что нужно подготовиться к подключению аппарата искусственного кровообращения (АИК) к сосудам изолированного головного мозга, когда его извлекут из черепной коробки пострадавшего, который сейчас находится на том операционном столе. – И пока мы будем «пришивать» головной мозг, – профес-

сор указал, – вот в эту черепную коробку, ваша задача заключается в том, чтобы поддерживать циркуляцию крови в мозговых сосудах. – Теперь понятно?

– Кубат Бакирович. Позвольте дорогой. А что речь идет о пересадке головного мозга? Я вас правильно понял? А такое возможно в принципе? – удивленно переспросил Алексей Иванович.

– Да! Вы правы, именно о пересадке головного мозга, – вместо него ответила Бакыт Капаровна. – Так что, коллега, не удивляйтесь.

– На сколько это возможно, Кубат Бакирович? – тем не менее Алексей Иванович вновь обратился к профессору. – Я еще ни разу не слышал, что такое возможно, – не унимался он.

– Уважаемый Алексей Иванович! Такова ситуация – мы первые, которые только что решились на такую вот операцию. А в мировой практике были эксперименты, специальные исследования, намерения. Но еще никто в мире не осмеливался эту операцию сделать на человеке. Так что мы первые, у нас появился шанс, и мы не должны упускать его, – констатировал он. – После операции я постараюсь рассказать все о пересадке головного мозга и о результатах исследований, связанных с этой операцией, если вы, конечно, еще захотите послушать, – сказал он, обращаясь ко всей хирургической и анестезиологической бригаде.

– А теперь прошу соблюдать порядок и тишину в операционной, – обратился он ко всем. – Тилек, Саид! Вначале мы должны удалить этот головной мозг. Наша задача, – объяснил профессор, – подготовить череп для размещения пересаживаемого головного мозга. Сейчас нам предстоит очень тщательно и нежно выделить магистральные сосуды мозга. Итак, коллеги, за работу. Операция, нет, как ни обидно признавать, эксперимент, начался, – констатировал он. – Ответственность за все беру на себя!

Бригада приступила к операции. Тишина в операционной прерывалась только короткими приказаниями профессора, требовавшего тот или иной хирургический инструмент или шов, а также короткими командами перфузиолога или анестезиолога. Со стороны было видно, что хирурги пустили в ход всю свою блестящую хирургическую технику, соединяя быстроту с необычайной тщательностью и осторожностью. Как и планировалось в начале, изъяли головной мозг у пострадавшего №2, а спустя некоторое время изолированный головной мозг разместили в черепной коробке пострадавшего №1.

Через три часа непрерывной операции Каракулов положил на стол последний инструмент, кивнул хирургам-ассистентам и стянул операционные перчатки. Под стерильными покрывалами и повязкой на голове пациент оставался внешне тем же человеком, как и прежде. Но... это только внешне, – подумалось профессору. – Тот да не тот, тот да не тот, тот да не тот – весь в думах приговаривал Каракулов, размышляя в предоперационной.

– О чем это шеф? – недоумевал не только Тилек, но и вся бригада, которая копошилась вокруг стола, что-то подключая, что, наоборот, отключая, измеряя, поправляя.

– Все. Сказано-сделано, – наконец, сказал Каракулов выпрямляясь, – Итак, что мы имеем? Один из пострадавших приобрел чужой головной мозг или, наоборот, головной мозг приобрел новое тело? Отныне одна большая загадка и надежда – приживется ли головной мозг в новом теле? Кем проснется, если таковое случится, пострадавший, получивший чужой головной мозг? Или наоборот, головной мозг, получивший чужое тело? – как бы говоря сам с собой, – размышлял профессор вслух. Бросив последний взгляд на пациента, он покинул операционную.

Неосведомленный человек ни за чтобы не разобрал, кто из двух пациентов остался жив, а кто умер, – подумал он про себя. – Хотя, если вдуматься, благодаря пересадке головного мозга у его пациента ничего личностного не осталось, разве лишь его тело. То есть он умер?! А тот, у которого три часа тому назад забрали головной мозг, а тело списали как мертвое – жив, как ни странно! – Он жив! Непосвященному такой метаморфоз был бы совершенно непонятным.

Об этом не догадывались и его коллеги, которые были заняты необходимыми на тот момент манипуляциями и заботами о пациенте.

Пациента сразу же разместили в барокамере реанимационного отделения. Сейчас пациент, весь опутанный проводами и трубками, находился в барокамере со встроенными электронными приборами слежения за параметрами жизнедеятельности. Барокамера напоминала собой своеобразный кокон и представляла собой биокомплекс – многофункциональное медицинское устройство для лечения и поддержания в оптимальном состоянии человеческого организма, независимо от условий внешней среды. Анестезия, питание, удаление продуктов жизнедеятельности – все автоматизировано. Многочисленные сканеры и датчики регистрируют малейшие изменения в состоянии больного и выводят данные на мониторы.

Вот таким в истории науки и медицины запомнилась первая попытка пересотворить человека путем пересадки к головному мозгу одного человека тела целиком другого человека. Вот так человек замахнулся на проблему пересотворения человека, возомнив себя Богом, вот так человек нахальным образом перешел ту грань невозможного, запрещенного, открыв тем самым проклятый «ящик Пандоры», не ведая к чему это приведет и чего ожидать от такого близорукого поступка.

* * *

Мозг пересажен. Вроде получилось неплохо. Но Каракулов не испытывал того чувства удовлетворения, какое бывало после сложной, но удачной операции. Такое чувство у хирургов бывает, особенно, когда стандартную операцию заканчиваешь не стандартно, то есть творчески, а нестандартную операцию превращаешь в стандартную, – считал он. Такой вот уровень хирургической работы – это уровень «золотые руки», и может служить своего рода критерием, по которому можно судить об искусности хирурга, об его мышлении и умении.

Что-то его сомневало? – Нет. Не сама операция, а то, что произошло, скорее то, что произойдет теперь. С некоторых пор, а точнее когда уже переступил свой пятидесятилетний рубеж, почему-то начал бояться не только публичного выпада, но даже упрека в свой адрес. – Нет, он не считал себя непогрешимым, нет. Видимо возраст и положение обязывало вести более совестно, более требовательно, что любой упрек или даже неодобрение казалось ему чем-то запредельным, воспринимаясь как незаслуженное и обидное. – Возраст и стереотип, черт побери! – подумал он. – Всегда так. Человек сам себе усложняет жизнь. Нет бы даже с возрастом воспринимать критику или упрек как подобает – деловито, справедливо, как это бывало в молодые годы, но нет же.

То, что его будут открыто обвинять, поносить и ругать, а вероятно и накажут и обяжут в связи с сегодняшней, так сказать, несанкционированной сверху операцией, которая относится к категории эксперимента на больном, привело его в унынье. Это тревожило его и раздражало. Потому и не было у него обычного послеоперационного благодушия, того самого, что бывает, когда необычная, но удачная операция завершена, жизнь больного сохранена, а впереди признательность, благодарность и отдых.

Размыываясь в предоперационной, Каракулов размышлял: – Ну, скажем, собрал бы перед операцией консилиум врачей для решения вопроса о трансплантации. Во-первых, нужно было бы пригласить, как минимум, руководителя клиники – это раз, нейрореаниматолога – это два, специалиста по эхографии и энцефалографии мозга – это три. Мнения специалистов, конечно же, могли разойтись и разошлись бы, чего скрывать. А ведь ситуация требовала не спора специалистов, каждый из которых пытался бы застраховать свое решение. Уверен, что были бы высказаны разные мнения, возможно даже диаметрально противоречивые. А как быть тогда? Дискуссия обязательно затянулась бы, а время то не ждало, судьбу больного решали мгновения. Потому, ему и пришлось принимать решение на свой страх и риск, – успокаивал он сам себя. – Мозг был размозжен – это раз, а тот, у которого взяли мозг для пересадки, уже

умирал от потери крови – это два. В крайнем случае, у меня много свидетелей с их заключениями, – успокаивал себя Каракулов, убеждая самого себя – Я и посчитал не нужным соблюсти заведенные формальности. Тем не менее, он понимал, что порядок есть порядок, что, по сути, он своим решением переступил некий недозволенный порог. От этого в его душе становилось еще не уютнее.

Уже покинув операционную, по пути в свой служебный кабинет профессор продолжал мысленно обсуждать с самим собой: – Скажем, в таких случаях нужно было переговорить с родственниками, заручится их согласием на такую операцию. Но где их искать ночью? Нужно было бы не только их найти, но и привести, известить их о ситуации. Как пить дать они бы обязательно начали советоваться с другими родственниками. – Да. От этого никуда не денешься, так как речь идет о жизни родного им человека. Ну а для хирургической бригады все вопросы нужно было бы прояснить в ближайшие полчаса. Так что, куда не прикинь, везде был бы облом, – успокаивал он сам себя.

На что же рассчитывал профессор? Конечно же, на успех и удачу – авось пронесет. Если пациент останется жив, то победителей не судят. Специалисты такого уровня, такого склада ума и характера, когда их обуревают какая-то идея, просто не желают считаться с возможностью срыва и неудачи. В противном случае такие люди не были бы теми самыми первопроходцами в своей области, лидерами, в конце концов. В таком деле всегда кто-то должен быть первым и взять риск на себя. В его решении была логика, он справедливо полагал, что лучше один труп, чем два. Азарт хирурга специфичен. Он основан на честолюбии. Я смогу, я сделаю! Кто, если не я! А потому вряд ли нужно искать особые мотивы поступка в данном случае. Как назвать цепь психических состояний, когда хозяйничает его величество сроки, человеку уже не подвластные, когда они диктуют необходимость сиюминутного решения и выбора, когда не действовать, даже если очень хочется не действовать, нельзя? Уже потом, оглядываясь назад, человек не очень-то представляет ясно, что же это с ним было, в конце концов, что он «натворил» на свою голову.

Зайдя в кабинет и не зажигая света, он в течение получаса просидел в кресле, пытаясь прийти в себя от пережитого, отдохнуть, расслабиться, ни о чем не думая. Не получалось. К нему постучались и робко заглянули Алексей Иванович и Бакыт Капаровна.

– Бакирович! Что сидим в темноте? Вот решили доложить, что с больным пока все в порядке. Давление, дыхание, пульс стабильные, – доложила Бакыт.

– Я восхищен, я всегда знал, что вы, Кубат Бакирович, смелый человек, – с ходу высказался Алексей Иванович. – Спать не получится, но расслабиться не только можно, а даже нужно. Так что без пяти граммов нам сейчас с вами не обойтись, – пошутил он, намекая на то, чтобы профессор налил бы им по маленькой, по старой схеме... как в былые времена молодости.

– И в правду, Алексей Иванович. Тут у меня для встречи с иностранными гостями припасен отменный коньяк. Сейчас достану...

Увидев, что в холодильнике есть водка и Алексей Иванович и Бакыт попросили лучше распить ее. – Когда в голову лезут всякие мысли, лучше их заглушить, и в этом водке нет равных.

– Согласен с вами. Черт побери! Да и что можно прояснить на нетрезвую голову, когда и с трезвой-то не очень получится разобраться, на что мы нарвались?

– Наоборот, что бы осмыслить то, что произошло, можно свихнуть трезвую голову, а потому голове требуется защитный ингредиент, – пошутил Алексей Иванович. – Так что давайте доставайте водку, а коньяк разопьем, когда поставим больного на ноги, – предложил он.

Выпили, немного расслабились, чувствовалось, что сомнения и послеоперационное напряжение несколько спали, настроение поднялось, тяжелые думы растворились. Приколы, шутки, анекдоты. А после третьей рюмки вообще наступила эйфория.

В это время к ним заглянул Наим Сафарович. Ему предложили кресло, но не стали предлагать рюмку, так как знали его, как человека верующего, побывавшего паломником в Мекке. В клинике его уважительно называли Наим-ажы. Усаживаясь в кресло, Наим Сафарович сказал: – Уважаемые коллеги! Не осуждаю, так как понимаю ваше состояние. Мне бы крепкого кофе.

В это время в кабинет заглянул Тилек с историей болезни оперированного пострадавшего. – Кубат Бакирович. Извините меня, что не во время, но я затрудняюсь, как описать протокол операции, – обратился Тилек.

– Слушай Тилек. Ты бы нас лучше кофе или чаем угостил, чем сходу задавать такие вопросы, – упрекнула его Бакыт. – А то сразу же объясни-поясни. Успеешь разобраться, дай нам самим вначале разобраться! Так что мигом давай заваривай и неси кофе. Пока распивали кофе, жевали печенье, раза десять в кабинет заглядывали то дежурный реаниматолог, то функционалист, то медсестры-анестезистки с различными вопросами.

Несмотря на усталость дежурной бригады, Каракулов все же решил собрать всех у себя. Поблагодарив каждого из них за работу, он обратился к бригаде. – Я вас понимаю, у вас возникло много вопросов. Давайте внимательно рассмотрим суть проблемы, которая перед нами возникла. Первое, на что должны обратить внимание, это кто же из пациентов остался живым, а кто умер? Всем это будет очень интересно. Давайте начнем с молодежи. Ну, скажем, с тебя, – обратился он к Тилеку. – На чем выстроена твоя логика?

– Ну, так... это... он – живой! То есть тот пациент кому пересадили головной мозг, – робко ответил он.

– Допустим, – не давал ему опомниться Каракулов. – Но разве живет человек без своего головного мозга? Как известно, у этого пациента мы вычerpали его головной мозг, так как он был практически расплюсчен в лепешку. Говоря научным языком, наступила полная деперсонализация его личности из-за смерти мозга, а, как вам известно, коллеги, смерть мозга – есть конечная смерть человека. Как по-твоему, Саид?

– Трудно сказать, но я склонен думать так же – неуверенно начал Саид. – Нужно считать живым того, кого мы сейчас прооперировали. Тот же пациент, у которого забрали головной мозг, так и остался лежать на операционном столе трупом, – с уверенностью в голосе сказал он.

– Совершенно верно! Если мы сейчас хотим убедиться в этом, то, безусловно, найдем массу доказательств, заканчивая трупным окоченением. Ну, а ты как думаешь? – Бакыт Капаровна обратилась к Айдару.

– Я как все, – нашелся Айдар. – Мы только, что сняли со стола и перевели в реанимационное отделение пациента. Он жив, и вряд ли кто будет сомневаться в этом, – ответил он запальчиво.

– Тилек. Завари нам и себе еще по чашечке кофе. Когда Тилек разлил всем кофе и сам разместился в углу, Каракулов, обращаясь к нему, заявил: – Тилек. Начни с того, что ты должен полностью переделать истории болезни.

– Почему? – задался вопросом Тилек. Наим Сафарович рассмеялся: Касательно документации мы сейчас должны решить настоящий ребус. Если позволите, Кубат Бакирович, проверю на знание нашу молодежь. Вот тебе Тилек, вопрос на засыпку: К нам привезли двух пострадавших. Из-за того, что мы так и не выяснили до операции их личности, историю болезни оформили на них, обозначив их как «неизвестный №1» и «неизвестный №2». Неизвестного №1 оперировал Кубат Бакирович, а второго пострадавшего – моя бригада. Так обстоит дело? В ответ Тилек согласно кивнул головой. – Пострадавший, которого мы оперировали, остался на столе, то есть умер во время операции из-за несовместимых повреждений органов груди

и живота, – продолжил Наим Сафарович. – Его мозг забрала ваша бригада и пересадила в черепную коробку пострадавшему, которого оперировал Кубат Бакировича. Так обстоит дело? – вновь задал он вопрос Тилеку.

– Да-а. Так и было.

– Теперь слушай дальше. Час тому назад вы сняли своего больного с операционного стола, и сейчас он находится в реанимационной палате. Обращаясь к анестезиологу, он переспросил ее: – Бакыт Капаровна. Этот ваш больной сейчас жив?

– Тфу, тфу... Не слезить бы. Пока он жив, сердечная деятельность стабилизировалась, за него дышит сейчас аппарат искусственного дыхания, – ответила она, не понимая, что сама же допускает оплошность.

– Ничего не понимаю. Вы утверждаете, что погиб «Неизвестный №1»? Но ведь именно он сейчас лежит в реанимационной палате и как вы услышали из уст Бакыт Капаровны, пока жив, – недоумевал Тилек.

– Извиняюсь, запуталась, – спохватилась Бакыт Капаровна. – Все так погиб «неизвестный №1».

Каракулов внутренне тихо торжествовал, предвидя победное завершение той логической цепочки умозаключений, которую он плел для своих коллег. Он не без пафоса заявил: – Уважаемый Наим Сафарович! Позвольте поздравить вас и вашу бригаду с тем, что ваш больной остался живым. – Взглянув на Тилека, который не совсем понимал к чему все клонят, а потому сидел растерянным, заглядывая в рот то Наим Сафаровичу, то на своего шефа, рассмеялся. – В этом и заключается ребус, – сказал профессор.

– Тилек. Надеюсь ты понял, какой из двух неизвестных действительно остался жив. – На что Тилек без всякого раздумья и вполне уверенно сказал, что погиб «неизвестный №2», а тот которого оперировала наша бригада, то есть речь идет о «неизвестном №1», как видно остался жив.

Все рассмеялись. Тилек сконфузился. У него не укладывалось в голове, почему все, как будто сговорились, полагают, что все же живым остался второй пострадавший... Если второй больной остался на столе, то есть погиб во время операции, а первый, над которым колдовала их бригада, был снят со стола и переведен в реанимацию живым, почему утверждается обратное... – откровенно не понимал Тилек.

В это время пришла медсестра. – Кубат Бакирович, Бакыт Капаровна. Вас вызывают в реанимационную, к больному. – Кубат Бакирович, собираясь, поблагодарил всех за то, что хоть как-то развеелись. – Сожалею о том, что наша дискуссия прервалась на самом интересном месте. А Тилека я попрошу, чтобы проработал соответствующую литературу и сделал на днях сообщение.

«Все же как недостаточно мы знаем свой эмоциональный мир, то есть свою подкорку, в которой спрессованы жизнь и опыт тысяч поколений наших предков», – подумал Каракулов, проходя в реанимационную вместе с Тилеком и Саидом.

– Знаете. Если признаться, я ни о чем не жалею, хотя понимаю, что толчком к выполнению такой операции послужили все же не насущная необходимость, не раздумья о целесообразности такого вмешательства, граничащего с экспериментом на человеке, а просто несдержанный эмоциональный порыв. – А про себя он отметил – именно тот самый, против которого всегда боролся в самом себе и предостерегал своих детей, так как зачастую из-за него оказывался в неловком или даже откровенно смешном положении, а потому приходилось очень часто жалеть о случившемся. Что ж, иногда интуиция и порывы оказываются сильнее и мудрей раздумий и прикидок, – успокаивал сам себя.

Вечер. Идет обычная вечерняя пересменка. Дневной дежурный персонал передает документы ночному персоналу. На сестринском посту разговаривают медсестры. – Сегодня заста-

вили переписать историю болезни пострадавшего. Как ни странно, доктора сами не могут разобраться: кто из двух пострадавших остался жив, а кто умер?

– Это как? – вопрошает одна из них.

– «Пострадавшего №2», ну того самого, у которого забрали головной мозг, мы оформили как умершего и историю болезни с посмертным эпикризом передали, как и следовало, в патологоанатомическое отделение. – Представляешь. До утра врачи вносили запись в историю болезни «пострадавшего №1», то есть того пациента, которому пересадили головной мозг, – сказала Айша.

– Ну да! Все правильно. Он то благодаря тому, что ему пересадили головной мозг, остался живым и весь день ты ими и занималась. Правильно? – ответила Гуля. – А в чем загвоздка?

– Так-то оно так! Но Каракулов распорядился по-другому. Заставил нас вернуть историю болезни «пострадавшего №2», и все записи наблюдений за прошедший день перенести в его историю болезни, а в историю болезни «пострадавшего №1» внести посмертный эпикриз и сдать в патологоанатомическое бюро. Вот такая чехарда, подружка! – призналась Айша.

– Ничего не пойму, – призналась Гуля. – Вот ты мне ответь Айша – с кем из двоих тебе пришлось всю ночь возиться? Правильно! С «пострадавшим №1». Ты хочешь сказать, что все это время ты занималась с умершим? – рассмеялась она.

– Ну, а я что? Нет же, потребовали переписать обе истории болезни. Ведь толком и не объяснили, что и почему? А мне то что, как сказали, так и сделала. Но Каракулову я сказала, что бы он сам созвонился с дежурным патологоанатомом и сам им объяснил.

– А что они сказали?

– Видимо Каракулов объяснил им что и как. Они молча отдали историю болезни, а когда я им вернула другую историю, тоже промолчали. И анестезиолог промолчала. Молчаливый разговор какой-то, – недоумевала Айша.

– Странно. Получается, умер тот, кого спасал Каракулов или, наоборот, остался жив, кого не смогла заштопать бригада Наим Сафаровича. Очень странно! Рассуждая так, каким местом думают доктора? – возмущалась Гуля.

– Да ладно, подружка. Утро вечера мудренее. Авось разберутся. Я побежала, а то опять опоздаю к дочке в садик. До завтра!

– Ну, пока! Пойду заниматься с вашим «умершим» пациентом, – пошутила Гуля и пошла в сторону реанимационного зала.

Вот таким образом шла разгадка клинической задачи – кто мертв, а кто жив, шла выверка на знание, смекалку, опыт в приложении к только что выполненной операции по пересотворению личности. Всем предстояло впредь много понять и осмыслить, многое узнать и обдумать. А пока в операционной, в реанимационной, в рабочих кабинетах и лабораториях царил сомнение и тревога: выживет ли больной? Восстановится ли его сознание? Что станет с его памятью?

* * *

И на третью ночь он остался в клинике. Все равно дома бы он не смог ни уснуть, ни отдохнуть. У себя в кабинете ему удалось вздремнуть часа два-три. Уже светало. Из окна доносился азан (призыв на молитву). Мечеть стояла прямо во дворе клиники. Сотрудники уже давно привыкли к этому мелодичному арабскому песнопению. Их уже не раздражало, как это было впервые месяцы, когда муэдзин припевал азан на рассвете, когда на часах еще нет и шести. Каракулов прислушался. «Вообще арабское песнопение по-своему мелодично», – отметил он.

До утренней конференции оставалось уйма времени. Каракулов неспешно прошелся по территории клиники, обошел мечеть, построенную по его же проекту лет десять тому назад. Вспомнилось, как пришла к нему идея простроить мечеть прямо внутри больничной территории. Нет, тогда его не обуревали благочестивые религиозные мысли, нет. Было совсем иначе.

Много лет исследуя проблему морального кризиса общества и роль религии в сохранении общества в нравственно-цивилизованных рамках, в какой-то момент в мозгу засела доминанта – только с помощью религии можно еще удержать от дальнейшего упадка мораль и нравственность. Про себя иронично подумал – какая наивность!

Но, в то время ему казалось, что рост числа людей, обратившихся в религию, увеличение количества мечетей в стране – это в какой-то мере признак самосохранения общества, некий гарант сохранения нравственности. Он не предполагал, что обращение к религии пройдет в обществе с таким темпом и масштабом, с такой страстностью и напором. Скоро может многое измениться под таким напором. И это, по-моему, будет ой какой головной болью для общества.

«Нарочно не придумаешь!» – была такая телепередача, основанная на подборке реальных совпадений или гротескного проявления тех или иных событий, явлений, случаев, происшествий. Ситуация, именно такого порядка возникла у них три дня тому назад. Тот пострадавший, которого пришлось ему оперировать в тот вечер, оказался имамом одной из сельских мечетей.

Еще тогда во время операции он обратил внимание на аккуратную бородку, этакий внешний атрибут мусульманина, который так широко распространился в среде молодых верующих людей. Ему тогда подумалось, что этот молодой человек либо художник, либо поэт или один из них. Оказался имамом. Но самым интересным, а на первый взгляд даже кощунственным является другое. Этому пострадавшему тогда мы пересадили головной мозг его старшего брата, который, как оказалось, только что освободился с мест заключений. Лишь потом из милицевских протоколов стало известно, что в автомашине, которая попала в аварию, находились два брата. Младший брат, имам, вез домой старшего брата, который в тот злополучный день вышел из тюрьмы. Потом Каракулов узнает, что старший был закоренелым преступником, в общей сложности просидевший в разных тюрьмах почти два десятка лет. Обстоятельством автокращения он не интересовался, да и зачем ему знать подробности.

Так вот, его головной мозг был пересажен в тело священника. Теперь возникает законный вопрос: кем проснется этот пострадавший? Человеком с преступными наклонностями или же останется набожным человеком? Вот казус! Прямо закрученный детектив, не иначе – подумал Каракулов.

Интересно то, что с некоторых философских позиций, тело – это иллюзия, порожденная сознанием (идеалисты) или же сознание – это не что иное, как способ проявления тела (материалисты). Как бы воспринял такое утверждение наш имам? Вот это парадокс и ирония судьбы. Кем проснется пострадавший, которому мы пересадили чужой головной мозг? Что-либо прогнозировать рано, – решил он и вновь погрузился в размышлении о роли религии в вопросах продвижения интересов трансплантологической практики.

В его памяти еще были свежи мнения сторон на круглом столе «Трансплантология и религия». Одним из ярких выступлений была речь профессора Табакова из России, который утверждал, что религия является оплотом и гарантом гуманизма, и это уже давно выразили многие прогрессивные люди и великие гуманисты мира. Но, сложность сегодняшнего дня заключается в том, что все мировые религии достаточно позитивно продвинулись в понимании запросов трансплантационной практики, но они так и не смогли окончательно договориться о целостности тела в момент погребения.

Тогда Каракулову понравилась такая постановка вопроса. Действительно, его, как трансплантолога, удручало то, что религия, признавая и поддерживая трансплантологию, в то же время высказывается достаточно жестко против дальнейшего развития системы органного донорства. То есть говорит одно, а предпринимает другое. Тому много примеров. Вот один из них: религия считает, что человек – это «божий дар», то есть существо, не имеющее аналогов в природе, не подлежащее изменению и обладающее надприродными свойствами. В таком

качестве это существо недоступно для изучения и воспроизведения в рамках науки и технологии.

На этом круглом столе он познакомился с Абдилатипом-ажы. При первых же словах он притянул к себе внимание участников. «Вот человек умер, его душа отлетела, мозг остался в теле. Разве его мозг без души не мертв, а потому разве его можно пересаживать? Нельзя отождествлять мозг с душой, ибо он хоть и связан с ней таинственным образом, тем не менее, мозг лишь орудие высшей нервной деятельности. А вот как душа проявляет себя через высшую нервную деятельность, нам неизвестно – это божественная тайна. Но она себя совершенно четко проявляет, а разум помогает нам облекать в слова то, что дает душа – разве я не прав?» – обратился он к сидящим в зале.

Каракулов про себя отметил интересную логику этого человека. Придаться к логике его высказываний было невозможно. «Никто не знает где хранится память о тех или иных событиях. Это – тайна, это область для нас непостижимая, и мы должны здесь остановиться» – уверенно и четко сказал он. Почему говорят, что память милосердна? Ведь человек зачастую забывает плохое, а помнит хорошее, светлое. Это все проявление нашей души, которая по сути своей – божественная. Разве я не прав?

Каракулов поймал себя на мысли: – Вот-вот. Именно поэтому нужно признать иллюзией то, что в вопросах гуманизма религия обладает исключительной компетентностью. Слушая выступления участников круглого стола, – он сделал такой вывод: – В целом, мнение религиозных конфессий заключается в том, что для человека пересадка донорского головного мозга неприемлема. К тому же чужой мозг – это чужие знания, ощущения, память. Память относится к области души. Мозг состоит из многих-многих миллионов микропроводников, которые напоминают сложную компьютерную систему. Безусловно, там есть какие-то накопители памяти. Но область памяти связана неразрывно с нашей душой, которая проявляет себя через высшую нервную деятельность.

– Да-а. Пересадка головного мозга – это бездна философии, – протянул он вслух. По мнению ученых, пересадив голову одного человека к телу другого, мы получаем своеобразную новую личность. Каковы ожидаемые при этом социальные последствия? Последствия... Последствия... Этот вопрос целый день не выходил из его головы. Действительно, что ожидать от такого эксперимента? Выйдет ли такая операция из стадии эксперимента или нужно закрыть эту тему для клиники навсегда? – задавался он вопросом.

Каракулов понимал, что для философской рефлексии над вопросами пересадки мозга важно избавиться от воззрений, целиком зависящих от настоящих обстоятельств, условий, окружения, времени, пространства, то есть выполнить своеобразный философский эксперимент, то есть экстраполировать последствия. Как это сделать? С какой позиции рассматривать их?

Вспомнилось выступление философа Талькова из онкологического института на конференции, посвященной автономности больных с раком. Он не стал отрицать, как многие участники, роль и значимость трансгуманизма. «В трудных ситуациях, когда возникают сложнейшие моральные коллизии, нужен симбиоз гуманизма и трансгуманизма, – сказал он, – так как это способствует „дозированному“ умозаключению по решающим вопросам с полярных точек зрения».

С такой точкой зрения Каракулов был согласен. Про себя отметил, что упорствовать в своих взглядах и гуманистам, и трансгуманистам, видимо, не следует. Все же нужно признать необходимость установления вынужденного компромисса – подумал он. – Надо же такому случится, – удивлялся он. – Гуманизм, которого мы всю сознательную жизнь придерживались, в нынешнее время сдает свои позиции. Видите ли, он проявляет свою несостоятельность, то есть ограниченность в осмыслении некоторых новых феноменов. «Век – живи, век – учись». Нужно учиться мыслить, как с позиции гуманизма, так и с позиции трансгуманизма, учиться

прислушиваться к доводам ученых, социологов, психологов, религиоведов, учиться выслушивать мнения и парапсихологов, медиумов, эзотериков, в особенности, когда вопрос касается рассмотрения такой философской проблемы, как взаимосвязь души и тела, – убеждал он самого себя.

С высоты своих познаний Каракулов был уверен в том, что такая операция по пересадке головного мозга или головы целиком призвана спасти жизнь обреченного на смерть реципиента. Но были и сомнения. Скажем с юридической точки зрения, смерть человека наступает тогда, когда перестаёт функционировать его мозг, тогда, следовательно, имам, которого они оперировали, пересадив ему головной мозг старшего брата, считается умершим, а вот старший брат имама, у которого забрали головной мозг и пересадили его в тело имама – остался жив? Интересный расклад, – хмыкнул он.

Размышления прервал звонок по сотовому телефону. Звонила Бакыт Капаровна с отделения реанимации.

– Кубат Бакирович! Извините за беспокойство, приглашаю посмотреть энцефалограмму вашего больного.

Начиная с первых дней послеоперационного периода шла непрерывная запись энцефалограммы. До сегодняшнего утра кривые, вычерчиваемые энцефалографом, были похожи на беспорядочные линии с отдельными всплесками.

– Что случилось? – спросил Каракулов, подходя к койке больного.

– На энцефалограмме вот такие остроконечные всплески участились, – ответил дежурный реаниматолог. – Кубат Бакирович. Вот сравните сами. Так было вчера, как видите, почти ровные кривые с единичными всплесками, а вот – сегодня утром.

– Действительно есть разница. Ну что ж, будем полагать, что мозговая активность все же проявилась. – Осмотрев больного, внеся поправки в план медикаментозного лечения, Каракулов направился на утреннюю конференцию. Шел и про себе с удовлетворением отметил: мозговая активность проявилась. Все-таки есть надежда!

Лишь спустя двое суток в клинику пришел следователь, чтобы навести кое-какие справки о пострадавших. Пришел ли в сознание вчерашний пострадавший? Можно ли ему задать пару вопросов? – спросил он у дежурного реаниматолога. Врачи пояснили ему, что больной пока остается в коме, шансы выжить минимальные.

– Товарищ следователь – обратился к нему дежурный реаниматолог. – Вы, наверняка, знаете обстоятельства аварии. Если позволите, я приглашу профессора Каракулова, который оперировал одного из двух пострадавших в той аварии. Он хотел сам расспросить кое о чем.

Спустя минут десять в ординаторскую заглянул Каракулов. – Приветствую! О состоянии пострадавшего, который остался жив, наверняка вам дежурный врач уже рассказал. Мне добавить пока нечего. Состояние тяжелое, а что касается прогноза – трудно, что-либо сказать. Уважаемый следователь, если можно, расскажите о подробностях той самой злополучной аварии. Нам это интересно.

– Дело было так, – начал следователь. – Те двое, которые пострадали и были доставлены к вам в больницу, являются родными братьями. Мы это уже выяснили. Оказывается в тот день из тюрьмы вышел Айкенов Салих, тот еще уголовник-рецидивист. Встретил его у ворот тюрьмы младший брат Малик. За рулем его автомобиля марки «Ауди-100» почему-то был Салих. Машину занесло на повороте, то ли покрытие дороги оказалось слишком скользким, то ли водитель уже так накачался спиртным, что просто не справился с управлением. Одним словом, человек зазевался, на скорости километров в сто, съехал на обочину и ударился о дерево. Его самого прижало рулем, а его брат, который сидел рядом вылетел через лобовое стекло. Вот такие обстоятельства, – по-милицейски лаконично ответил он.

– Ну, теперь понятно, почему у водителя мезиво в груди и животе, а у пассажира – открытая черепная травма, – заметил дежурный врач.

– Знаете, доктора. В этой жизни нужно бояться не только законов, но и божеской кары. Этот рецидивист принес столько горя людям, жил по-скотски. Как и следовало ожидать, умер, как проклятый, – сказал следователь и продолжил – Мне искренне жалко его младшего брата – человек правильный, служит имамом мечети в своем родном селе. Живет праведной жизнью. О нем говорят, что он в своей жизни и мухи не обидел, всегда добрый, скромный, правильный во всем. Зло всегда остается злом. Он и пострадал из-за своего никчемного и распутного по жизни брата. Все рады тому, что он остался жив. Вот вам и пример тому, что все зависит от воли Аллаха. Он достойных бережет, а недостойных – отвергает, – разоткровенничался следователь.

– О, бедный следователь! – подумал про себя Каракулов, – Знал бы ты, что остался живым именно уголовник, а не праведник. И все это благодаря ему же. Черт возьми! Надо же было случится такой кричащей несправедливости – сохранить жизнь недостойного человека, человека с извращенным сознанием за счет праведного человека. Его руками Сатана провел такую операцию – в тело святого поместил мозг дьявола. То есть породил собственными руками очередного сатану. Вот что мы наделали, – сокрушался в душе Каракулов. Но не стал посвящать следователя в эти тонкости, иначе человек вообще разуверится в справедливости. Вот они сидят друг против друга. Оба, казалось бы, олицетворяют собой справедливость, а где она? Каракулову подумалось – только что он предал этого следователя, так как он добивается справедливости, наказывая за зло, а здесь хирург сам творит или вторит злу?!

Да. Возникли вопросы. Однако, вопросы, на которые нельзя получить ответ, возможно, вообще не имеют право на существование, будучи полностью бессмыслицей. Выбор, которым мы руководствуемся, отвечая на такие вопросы, по сути, нерациональны. Как быть тогда? Видимо, нужно учиться рассматривать вопросы с точки зрения вечности, а не с точки зрения личного. При таком подходе, возможно, на горизонте появится некий правильный смысл пересотворения человека. Наверное так...

* * *

Вот уже несколько дней утренняя конференция клиники начиналась и заканчивалась обсуждением состояния и оценкой его прогноза у больного с пересаженным головным мозгом. Если клинические ординаторы, студенты, а также молодые врачи, которые под разным предлогом отлынивали от конференции, то в эти дни присутствовали в полном составе и с интересом выслушали очередные сообщения. С каждым днем становилось все интереснее. Еще бы. Пересажен головной мозг! Любое новое предположение вливалось в дискуссию. Как, впрочем, и сегодня. Тон задала аспирантка Бакен. Сразу после доклада дежурного врача отделения реанимации о том, что у больного появились спорадические всплески мозговой активности, она задала вопрос Каракулову:

– Кубат Бакирович. Если больной поправится, то кем он будет – новой личностью?

– Я очень рад тому факту, что появилась слабая надежда, и она связана с тем, что у больного проявилась активность мозга, – начал Каракулов и затем ответил Бакен. – Вообще считается, что личность сосредоточена в голове. Так что можно утверждать – и это с философской точки зрения весьма интересный аспект – что, трансплантируя головной мозг, мы заодно трансплантируем и душу.

В тот день клинические ординаторы, студенты, да впрочем и все сотрудники не пожалели о том, что присутствовали на утренней конференции. Каракулов поделился своими сомнениями в отношении возникшей клинической загадки: кто остался жив, а кто – мертв? Кем проснется больной – имамом или, наоборот, человеком с извращенным сознанием? – Я признаю, как это не скорбно, что операцию, которую мы сделали, следует трактовать как экспери-

мент. Но пересадка головного мозга выступает не только как медицинский, но и философский эксперимент. Нам с вами представится случай выяснить, где же у человека кроется душа, или, выражаясь языком современной психологии, его «я», – подчеркнул Каракулов. – Вот, возьмем к примеру, мнение теологов. «Одушевлённым» считают всё тело, и если мы теперь вдруг решим, что «одушевлённость» оказывается, расположена в головном мозге, которая и управляет всем телом, то это потребует коренного пересмотра взглядов. Пойдем дальше. Имеет ли значение при этом чьё это тело, которым предстоит головному мозгу управлять? – задал он вопрос в зал и не дожидаясь ответа продолжал. – Давайте сделаем такое допущение. К голове мужчин пересадим тело женщины, то кем он будет – женщиной или мужчиной? Или же к человеческой голове будет приживлено туловище животного, тогда как? Так вот, если исходить из тезиса, что душа человека – в его голове, то получившееся в результате такой операции существо – тоже человек?!

Утренняя конференция имела все шансы затянуться надолго. Директор клиники, видя с каким интересом слушают мнения сотрудников по тем или иным вопросам пересадки головного мозга, предложил организовать специальные слушания, а тему обозначить так: «Феномен Франкенштейна». На этом и разошлись.

– Действительно, этому феномену нужно посвятить специальное врачебное слушание, – согласился Каракулов, – Это будет полезно всем: студентам, врачам, управленцам, другим специалистам. Когда мы говорим о развитии трансплантологии, об осмыслении запросов трансплантологической практики, то будет очень даже поучительным изучить историю и исходные мотивы самой трансплантологии. – Он то понимал, что все доводы общества, ученых, социологов и прочих, философ должен рассматривать как приблизительно верные, так как для него важно научное знание и научные законы, но не подробности науки, а ее принципиальные результаты, история и в особенности метод научного исследования. Но есть одно но... свободен ли философ от тех ограничений, которые накладывает на него человеческая природа, в какой же мере можно преодолеть эту человеческую субъективность, можем ли мы что-либо знать о том, что такое мир на самом деле, в противовес тому, чем он нам представляется?

– Франкенштейна и его последователей нужно признать выдающимися личностями, основателями и движущей силой трансплантационной хирургии – разве это не бесспорно? – размышлял он. Он понимал, что должен мыслить посредством общих понятий и мыслить беспристрастно, но парадоксально то, что общность и беспристрастность в мышлении служат совершенно противоположным целям. Про себя подумал, нужно ли принять стратегию сомнения? Но сомневаться всегда и во всем значит вообще лишиться себя возможности продвинуться в своем развитии. Тогда как? Или же принять стратегию инерционного развития, полагая, что позицию имеет смысл менять только на более обоснованную. Это бесспорно выход из ситуации, – подумал он. Но про себя отметил, что именно эту позицию занимают трансгуманисты.

Семинар, посвященный феномену Франкенштейна, запланировали на субботу. Этот день для коллектива был относительно свободным днем, располагающим к свободному обмену мнениями. С учетом этого и ученые советы также проводили в субботние дни. Открывая семинар, директор клиники подчеркнул, что идея провести обмен мнениями по запланированному вопросу возникло в первые месяцы после пересадки головного мозга, проведенного в клинике. С тех пор прошло немало времени, сотрудникам рекомендовано было прочитать знаменитый роман М. Шелли «Франкенштейн или новый Прометей» или просмотреть кинофильм «Франкенштейн» с тем, чтобы состоялось продуктивное обсуждение темы. Тем не менее, – сказал он, – мы поручили Тилеку составить краткий обзор сценарных идей и сюжетов для книг и фильмов.

Тилек известил о том, что по мотивам трансплантации головы и тела было написано множество произведений и было создано свыше тридцати кинофильмов. Так например, в 1967 году Т. Фишер снял фильм «Франкенштейн создал женщину», в котором Франкенштейну удается

пересадить душу умершего своего помощника в тело его любимой девушки. Но в союзе тела и души главным становится то, что этот союз создал – смерть. Заботой Франкенштейна было найти способы убрать «фильтры», которые мешают душе вернуться к полноценной жизни, не неся на себе той или иной печати смерти.

Два года спустя этот кинорежиссер создал картину «Франкенштейн должен быть разрушен». Циничный экспериментатор использует людей как материал для опытов. Режиссер фиксирует внимание на том, что материал постепенно разрушается, что наталкивает экспериментатора на мысль о частой смене тела.

Спустя три года режиссер создает следующую экранизацию «Франкенштейн и Чудовище из ада». Главный врач психбольницы собирает очередное Чудовище из органов и крупных деталей своих пациентов – «беспольных людей», как он выражается.

В 1972 году Дж. Смайт создал многосерийный фильм «Франкенштейн: Подлинная история», в котором, созданное Франкенштейном Существо терроризирует ученого, чтобы он пересадил голову полюбившейся ему женщины на тело умершей женщины. Фильм интересен в нескольких аспектах: Существо было отягощено проклятием внешнего уродства, а сам Франкенштейн – проклятием уродства нравственного. Деградация облика Создания и духовная деградация ученого, запущенные «в параллель», их влияние друг на друга, привлечение в сюжет третьей силы – изначально злой, изменение под воздействием этой силы самого характера творения.

В 1973—1975 годы П. Моррисс и А. Маргерити создали фильмы «Плоть для Франкенштейна», «Молодой Франкенштейн», «Шоу ужасов Роки Хоррора», в сюжете которых впервые поднимается вопрос о том, что пересаживается: мозг к телу или, наоборот, тело к мозгу. В 1985 году Ф. Родэм снял фильм под названием «Невеста», в котором Франкенштейн после пересадки головы своей невесты на чужое здоровое тело пытается моделировать истинно свободную, не связанную с лживыми условностями, женщину.

В 1986 году К. Рассел снял фильм «Готика», а в 1990 году Р. Корман снял фильм «Франкенштейн освобожденный», в этом же году Р. Дэвид снял фильм «Франкенштейн Эдисона», в сюжете которых усложненные психологические и морально-этические варианты и последствия пересадки головы. В 1992 году Д. Уикс создал фильм «Франкенштейн: The Real Story». Вместо «сборки» тела из фрагментов трупов, ученый «выращивает» Существо в котле с биологическим раствором, клонируя свою собственную ткань.

Можно перечислить ряд литературных версий «Кладбище домашних животных» С. Кинга, «Не убоюсь я зла» Р. Хайнлайна. В сюжетах организация пересадки мозга в новое тело. В заключении Тилек отметил, что его краткий обзор свидетельствует о том, что многие предсказания и фантастические проекты, даже самые невероятные, придуманные воображением писателей-фантастов постепенно осуществляются. В этом плане, можно смело предположить, что в недалеком будущем изолированная голова человека будет жить самостоятельно относительно долго, а мозг будет функционировать, то есть мыслить, – оптимистично заявил он.

Каракулов про себя подумал: феномен Франкенштейна – это своеобразная лакмусовая бумажка, по изменению цвета которой человечество оценивает насколько велика может быть плата за тот или иной прогрессивный шаг, прежде всего, как нам кажется, в области трансплантологии и пересадки головного мозга в частности. В этом смысле, Франкенштейн – это вечное напоминание о цене, которая неизбежно должна быть заплачена каждым за любой необдуманый поступок.

В обсуждении темы повестки дня приняло участие много сотрудников. Первым слово попросил заведующий диагностическим отделением центра Маралов. Он сказал: – Оказывается уже давно и детально обсуждалась проблема пересадки головы. Сценаристы фильмов и авторы книг показали, как человечество может решать эти проблемы. И сейчас ведутся

поиски путей и подходов к решению проблемы. То, что наши сотрудники также включились в этот процесс, я приветствую.

Заведующий лабораторией интенсивной терапии Каримов отметил: – Нынешняя технология такова, что можно сделать даже работоспособную «механическую» замену глаза, изобретены органы из пластика, металла, стекла, которые не вызывают отторжения. На мой взгляд, – сказал он, – самым интересным является то, что ученые уже выращивают «ковёр» из клеток, которым на каркасе можно придать любую форму. Так уже созданы биосинтетический гибрид почек, мочевого пузыря, желудка, конечностей.

Профессор-патологофизиолог Чабанов остановился на значимости клонирования. По его словам, – технология клонирования позволяет выращивать нужные органы или даже использовать клонов, идентичных по генотипу, в качестве «запчастей». В этом аспекте, вполне можно теоретически предположить, что будет заранее сделана копия человека «на запчасти». Такие органы можно будет выращивать прямо на месте, не подвергая пациента опасностям, связанным с пересадкой. Из мезенхимных стволовых клеток уже сейчас напрямую, без клонирования, делают первые «протезы» тканей.

По словам доцента Алмановой, подлинной революцией, конечно, станут вживляемые биосинтетические органы, клетки которых смогут получать питательные вещества прямо от организма, а сам орган будет защищен от атак со стороны иммунной системы. Именно такая технология наиболее перспективна для консервации головного мозга. В этом плане, возлагаются большие надежды на наномедицину, патохимию, биотехнологию, генную инженерию.

Аспирантка Эльвира рассказала о том, что альтернативным путем является печать органов с помощью специальных струйных принтеров, использующих в качестве «чернил» клетки. Печатаемая на полимерной основе множество последовательных слоев геля и клеток можно буквально создавать трехмерные биологические объекты – органы, детали тела, ткани.

Вот так, шаг за шагом, начиная от познания литературы и истории самой трансплантологии, врачебный персонал постепенно приобщался к теории пересадки головного мозга или головы в целом.

Прошла первая неделя, когда говорят уже о среднем послеоперационном периоде. Именно в этот период возможны срывы компенсаторных механизмов, а потому медики понимали, что в эти сроки возможно развитие критического состояния. Сапар Тумарович, который дежурил в тот день в реанимационной палате, первым обратил внимание на то, что энцефалограмма начала выравниваться, появились ритмические волны, хотя с большой натяжкой напоминающие обычную энцефалограмму. Врач не стал акцентировать внимание на этот признак и продолжал наблюдать в течение пяти-шести часов. Когда он окончательно убедился в том, что выравнивается и линия волн, лишь потом решил пригласить к пациенту Каракулова.

В реанимационную палату вместе с Каракуловым пришли Тилек, Бакыт Капаровна и Санжар. Они были встревожены и всей гурьбой подошли к кровати пациента, ни о чем не догадываясь.

– Так, вроде пациент жив, сердечные кривые нормальные, дыхание на заданном параметре. Вроде нет повода, чтобы бить тревогу. Что случилось Сапар Туманович? – нетерпеливо спросил Каракулов.

– Кубат Бакирович. С вас причитается, – загадочно протянул Сапар Тумарович. – Ваш пациент «удерживает» энцефалограмму на стабильной линии вот уже в течении шести часов. Теперь внимание всех было приковано к кривым мозговой активности. На мониторе все двенадцать линий вычерчивали ритмичную кривую.

– Вот это здорово! – воскликнула Бакыт Капаровна.

Все невероятно оживились, возгласы удивления перемешались с возгласами восхищения, окружили Каракулова и стали хлопать его по спине. Вот была радость!

– Отличная работа! Спасибо! – поблагодарил Каракулов дежурную бригаду. – Ну, коллеги! Всех поздравляю! Только теперь можно считать, что операция оказалась успешной.

– Кубат Бакирович. Нужно известить шефа, как вы считаете? – обратилась к нему Бакыт Капаровна.

– Конечно же! Давайте пригласим.

Бакыт Капаровна не пошла, а побежала как девчонка в кабинет директора клиники, что находился напротив входной двери реанимационного отделения. Шеф в это время проводил совещание. В кабинет Бакыт Капаровна впопыхах почти вбежала.

– Э-э..э..., что случилось? – встрепнулся шеф.

– Мне кажется... Мне кажется... Пересаженный мозг заработал, – не найдя, как сформулировать причину радости, – ответила Бакыт.

Шеф соскочил с кресла и бросился за очками. – Он, что пришел в себя? открыл глаза, что-то сказал?

– Да, то есть, нет. Кривые мозговой деятельности выровнялись – ответила она. – То есть мозговая деятельность восстанавливается.

Шеф нашел свои очки и кинулся в реанимационную. Присутствующие на собрании заведующие научными секторами, клиническими отделениями, лабораториями тоже повыскакивали с мест и пошли за ним. Все гурьбой подошли к кровати пациента. Голова неподвижная, веки приоткрыты и лишь подрагивают, зрачки узкие, реакция на свет есть, но слабая. Губы и нос его стали тоньше, виски и щеки втянулись, глаза глубже запали в орбиты, кожа приобрела желто-темный оттенок мумии. Заметили шевеление губ. В следующие минуты взор врачей был прикован к монитору. Энцефалограмма выдавала ровные кривые мозговой активности. Хотя были местами артефакты, но кривые вычерчивали ритмичную линию.

Шеф осмотрел пациента, ознакомился с результатами анализов крови, дал необходимые указания Каракулову, врачам дежурной бригады. В это время сотрудники в полголоса обсуждали различные аспекты операции и тактики ведения пациента.

– ... никогда не повторится...

– Не могу с тобой согласиться. Все, что удалось однажды...

– Ты отлично знаешь, что это чистая случайность. Им просто дьявольски повезло...

– Вот именно. Биоэлектрические изменения необратимы...

– Вряд ли восстановится...

– Разве случится чудо

– За эксперимент могут дать по шапке...

После осмотра шеф сказал:

– Будем надеется. Но пока никто не может еще утверждать, что сознание восстановится, что мозг постепенно оживет. Если даже мозг будет функционировать, что будет потом, никто не знает. Будем надеется, а пока примите мои поздравления, – обратился он к Каракулову. – Теперь нужно время и максимум внимания к состоянию больного. Нужно собрать консилиум. При этом обязательно пригласите профессора Набиева. Он отличный невропатолог. Попросите его составить схему корригирующего лечения. Держите меня в курсе событий, – обратился он к Каракулову.

Чувствовалось, у шефа настроение было приподнятое. Еще бы. Такой результат.

– А сотрудники очень горды собой, – наверняка отметил про себе шеф. Возможно ему пришло в голову, что сотрудники лаборатории экспериментальной хирургии действительно молоды, чтобы решиться, на что решились. – Да. Молоды и дерзки, не обременены закостенелыми штампами и мыслями, чувствуется, что есть у них и выдержка, и настойчивость. Такие смогут завершить начатое, – подумал директор клиники.

Раздался шум, и в дверь ввалились два человека. Было понятно, что они являются журналистами, так как у одного из них в руках была видеокамера, а у другого в руках микрофон и диктофон.

– Не пускайте их! – дал команду шеф. – Сейчас никаких интервью!

Заведующий реанимационным отделением загородила вход. – Ребята. Вы слышали, что говорит директор? Никаких интервью и записей.

– Нечестно, это же сенсация! Обещаем первую полосу, – не унимались журналисты.

– Повторяю. Пока никакой информации. Скажу лишь то, что пациент жив, – объявила она, загораживая дверь.

– А мозг жив? Он проснулся, что-либо сказал? – не унимался журналист.

– Идемте отсюда ребята, – строго повторила заведующая, выталкивая репортеров в коридор и закрывая за ним входную дверь.

Когда дверь закрыли, шеф обратился к Каракулову.

– Кубат. Пока еще рано говорить о положительном результате пересадки головного мозга. Ты это понимаешь. Советую продолжить исследования в таком направлении, как нейрорегенерация. Мы убедились, что в техническом плане пересадка головного мозга осуществима. Нам нужно еще пару лет для того, чтобы выявить закономерности восстановления нервной ткани. Есть и другая важная проблема, – примет ли человеческое тело «чужой» мозг или не примет?

Каракулов поблагодарил шефа за добрые слова напутствия. Поблагодарил дежурантов.

– Мы уже трое суток недосыпаем, такое ужасное напряжение. А то, что сказал шеф, мы воспринимаем целиком. Действительно, как вы сказали, техническая сторона, как оказалось, реализуемая, а вот регенерация нервов, восстановление их функций – это действительно сложная проблема. Очевидно, возникнут и другие проблемы. Пока наша тактика и мысли еще не совсем ясны.

Директор попросил Каракулова зайти к нему и принять участие в совещании с руководителями структурных подразделений центра. Все гурьбой обратно пошли в кабинет директора.

Когда все уселись, директор, обращаясь к Каракулову сказал:

– Звонили с Минздрава о том, что с подачи того самого Елисеева, нашего вечного оппонента, создана комиссия, основной костяк которой составляют члены комитета по биоэтике. Тому есть причина. Все вы знаете, что операция по пересадке головного мозга из разряда экспериментов на человеке, что, конечно же, недопустимо. В комиссию вошли руководители научных учреждений, сотрудники мединститута и профильные главные специалисты Минздрава. В этой связи, прошу всех быть наготове. А Каракулова попрошу основательно подготовиться по вопросам морально-этического и юридического порядка. О дате и времени приезда этой комиссии обещали сообщить заранее.

Обращаясь к остальным, директор напомнил, что это касается всего коллектива, а потому просил всех также подготовиться.

– Я не прошу вас принять одну, лишь выгодную нашему коллективу, позицию. Нет. Проблема это новая, мы без обвиняков и коллегиально должны решить ряд вопросов. Не нужно строить линию поведения на оправдание нашей операции, а на то, что бы внести позитивные и реальные предложения. Согласны? – задал он вопрос присутствующим. Все одобрительно кивнули головой.

– Можно внести предложение? – попросил слово Талипов, заместитель директора. Как вы все убедились, комиссия очень серьезная. Этот вопрос они обязательно вынесут на коллегию Минздрава. Конечно же, мы все подготовимся к их приезду. Но и нам многие вопросы остаются непонятными. Прежде чем говорить в защиту, нужно вначале утвердиться в наших представлениях, мнениях. Как вы считаете? – обратился он к коллегам. Не дожидаясь ответа, он внес предложение: организовать в субботу, то есть в относительно свободное время, семи-

нар. – Причем, мы бы попросили профессора Каракулова дать краткую справку об основных проблемах-последствиях пересадки головного мозга.

– Предложение Талипова очень кстати, – напомнил директор клиники. – Давайте тогда обсудим в субботу после утренней конференции. На семинар можно пригласить и других специалистов, на усмотрение профессора Каракулова. На том и остановимся. Тогда за работу! – напутствовал директор.

Будь это семинар или конференция, то задача их состояла в том, чтобы обсудить и прояснить, таким образом, различные аспекты проблемы пересадки не только головного мозга, что, конечно же, было в центре внимания коллектива, но и всей трансплантологии, ее запросов и достижений. Так формируется научный и культурный уровень клиники, именно так нарабатывается позитивный опыт различных начинаний.

* * *

Родился он в обычной сельской семье – отец, мать, сестра, он и младший брат. Родители всю жизнь работали в совхозе, отец – табунщиком, а мать – дояркой в коровнике. Ему было всего 13 лет, когда понял, что его жизнь в этой сельской глубинке никаким образом измениться не может в лучшую сторону. Он в принципе даже раньше понимал, что ждать ему откуда-то чего-то бессмысленно. Но своим трудом, умом ему тоже ничего не достигнуть. И так, в состоянии разочарования он решил уехать в город, думая, что добьется в жизни своего. Не стал он слушать наставлений родителей и бабушки, взял и уехал в столичный город. Хотел устроиться на работу – не берут – возрастом не вышел, возвращаться обратно не захотел. Не попрошайничать же, а вдруг кто-то из знакомых увидит и расскажет односельчанам. Днем слонялся в поисках пропитания и какой-либо работы, а первые две ночи провел на железнодорожном вокзале. Однако, когда появился на третью ночь, его оттуда выгнали, пригрозив поместить в СИЗО. Он приноровился ночевать на скамейке в аэропорту, но когда он устраивался на ночлег в третий раз к нему на скамейку подсел парень.

– Ты откуда будешь?

– Из Узун-сая. Это недалеко на границе с Казахстаном. Ну а ты кто?

– Я – Нурбек, живу здесь поблизости. – А тебе что, негде ночевать? Смотрю, ты уже третью ночь ночуешь на доске.

Познакомились, разговорились. Салих рассказал о том, что хотел бы найти работу в городе, какую-либо крышу над головой.

– Слушай меня, Салих. Это столица, и твои проблемы никого здесь не волнуют, а найти работу в твоём возрасте трудно. Разве тачку толкать на рынке. А будешь слоняться по городу без дела, тебя менты запросто загребут и отправят в детскую колонию. Так-то друг. А давай, я сведу тебя с клевыми пацанами, которые тебя пристроят, научат жить и вообще в обиду не дадут. Ну как? – переспросил он у Салиха и, не дожидаясь ответа, предложил. – Если ты не передумаешь, завтра вечером я познакомлю тебя с ними. Не бзди, это веселая компашка из отчаянных пацанов. Ну как идет? Тогда до завтра.

Вечером следующего дня стайка ребят его уже поджидали у скамейки, где он приноровился спать.

– Вот этот пацан, – указал на Салиха его вчерашний знакомый, обращаясь к высокому здоровяку.

– Привет Салих. О твоих проблемах знаем. Теперь слушай меня. Я – Кубаныч или просто Куба. А это моя бригада – Саня, Неш, Кас, Нук и Бада. Вливайся в бригаду. Ты как?

– Я согласен, – неуверенно протянул Салих.

– О, кэй! Теперь ты станешь одним из нас и отныне твоя кликуха – Соха, – сказал Куба уверенным, не терпящим возражения тоном. – А сейчас мы тебя испытаем, на что ты годишься, – решительно сказал Куба. – Вон видишь толстого самсышника. Ты должен прине-

сти нам поесть его самсы – купишь ли, выпросишь ли, украдешь ли у него – это уже твои проблемы. Идет?

Как это можно украсть, уговорить, выпросить, – подумал Салих, но чтобы не ударить лицом в грязь решил: куплю и просто угощу пацанов. Когда он расплатился и вернулся в компанию, конечно же, все немного посмеялись над наивностью Салиха, но с аппетитом поели принесенные им самсы.

– Соха! А теперь посмотри, как ты должен был действовать, – сказал Куба и, подойдя к самсышнику, что-то грубо потребовал. А когда самсышник не согласился, что было видно, как он переставил тазик с готовыми самсами за собой, Куба выхватил нож и приставил ему в живот. Тот сразу же сник.

– Соха! Возьми тазик и не забудь взять сдачу – сказал он. Когда все до отвала покушали самсы, Салих хотел отнести тазик самсышнику, Куба жестом остановил его.

– Эй, аксакал, забери свою тару. Завтра зайдем за сдачей. Понял? Тот закивал и молча забрал тазик.

Вот это да! Какая дерзость и смелость! – восхищался в душе Салих. С такой компанией и с таким командиром не пропадешь. С такими мыслями он крепко засыпал уже на съемной квартире новых друзей. Сказалось трехдневное недосыпание, и когда проснулся, солнце уже стояло на зените. Компания новых друзей собиралась, как они выразились, на рейд. А что за рейд? Салих терялся в догадках, но виду не подал, пошел вместе с ними. На рынке всей компанией подходили к некоторым торговцам и они, что интересно, молча отдавали деньги. Так началась его новая жизнь, были разборки, драки, но были и веселья, шашлыки, пиво. Приходилось им и откупаться от ментов, пасти кого-либо, преследовать или, наоборот, самим убежать от кого-либо. Салиху такая жизнь начинала нравиться, никогда еще он так свободно не жил и уже начинал привыкать к сознанию, что все в его жизни складывается удачно. И вдруг ночью один раз он услышал, что кто-то стучит его по плечу. Это был Куба.

– Соха! Вставай, пошли....

Пришли к ночному клубу и стали кого-то поджидать. Вышла женщина, видать очень состоятельная, так как была прямо увешана драгоценностями. Когда она поравнялась с кустом, за которым прятались они, Куба ударил ее по лицу, сняли с нее украшения, а когда уже отошли метров на двадцать, женщина пришла в себя и закричала: «Люди, милиция, охрана! Спасите! Грабят! Убивают!». К несчастью компании, милицейский дозор был недалеко, короткая погоня. В руки ментов попался только он. Своих подельников он не сдал. На очной ставке женщина признала в нем своего грабителя, хотя, когда у нее отбирали ее вещи, Салих стоял далеко в стороне. Был суд и его первый раз закрыли. И пошло, и поехало....

В первой, еще юношеской отсидке, Салих впервые и всерьез задумался о личной судьбе. Стоя на распутье, мы долго взвешиваем решение, находим плюсы, минусы, но почти всегда вспоминаем его и думаем о том, что все могло быть иначе, лучше... Каждый человек сталкивается с ситуациями, в которых ему предстоит принять выбор, выбрать путь, по которому дальше идти. Мы вершим не только свою судьбу, но и судьбы других людей, окружающих нас.

Выйдя на свободу через полутора года заключения Салих уехал обратно в свое село. Но та городская жизнь, стиль поведения шоблы, а затем разболтанность в заключении сказались на нем. Сколотил компанию, которую он называл не иначе как бригада, а командиром справедливо обозначил самого себя. Хулиганские выходки, бравада, драки стали его обычным делом. Были приводы в милицию, тяжелые разговоры в семье. Да, история не знает сослагательного наклонения, но такова сущность человека – быть постоянно неудовлетворенным своей жизнью и постоянно думать, а что было бы, если...

В один из дней на танцплощадке, которую по вечерам оккупировала его компания, познакомился он с Лирой. Городская красавица, открытая и в то же время очень наивная девушка, сразу же привлекла внимание Салиха. С присущей ему бравадой он «подкатил» к ней, а дальше

сам того не замечая потерял ту самую наглую уверенность в себе, превратившись в обычного парня, которому в душу запало нечто приятное и душевное.

Он и Лира отлично подходили друг другу, он высокий брюнет с крепким торсом и серо-зелеными глазами, она неопишуемой красоты городская девушка, приехавшая погостить к подруге и, которая с первых дней просто приковывала взгляды всех парней в селе без исключения. Они крепко подружились, а потом их взаимные чувства переросли в любовь, которая была у каждого из них первой. Спустя три месяца Салих признался в любви и попросил руки Леры.

– Лира, я тебя люблю и хочу, что бы ты стала моей женой, – пылко признался Салих и долго не отпускал ее руки. – Давай я познакомлю тебя с моими родителями. Они знают о тебе и наших намерениях пожениться, они у меня очень простые и добрые люди. Я просто уверен, что ты будешь у них любимой невесткой, а для моего младшего брата – любимой женешкой, – умолял он.

– Ну, может завтра? – умоляюще спросила она. – Что изменит один день?

– Один день меняет многое, даже одна минута может все изменить, – и, улыбнувшись, поцеловал ее. – Ладно, так и быть, завтра так завтра.

Был конец августа, но погода была по-настоящему осенняя, дул сильный ветер, и моросил дождь. Странное предчувствие было у Салиха, как будто что-то должно было случиться, а потому нужно было обязательно сегодня получить благословление родителей. Не суждено было этому случиться. В тот злополучный день, родители, возвращаясь из поминок, попали в жестокую аварию. Отец погиб, а мама еще долго лечилась от последствий полученной травмы.

Лира тогда уехала обратно в город. Они очень часто писали письма друг другу, ждали их, в откровенных письмах они высказывали все что думают, признаваясь в любви, строили планы на будущее.

– Лира. Я тебя очень люблю, знай это. – Так он постоянно признавался ей в любви при каждой возможности. Но эти слова звучали как-то по-особому в начале весны следующего года. Как потом оказалось, Салиха посадили за драку. Тогда он заступился за своего друга и сильно избил человека, который приходился родственником районного прокурора. Состоялся суд, его признали виновным, осудив на три года лишения свободы. Для Салиха и Леры потянулись тягостные годы разлуки. Выйдя досрочно на свободу, Салих первым делом просто приезжает к ней в офис, сознавая, что надо бы сначала позвонить. Но он любит делать сюрпризы. Он входит в кабинет, ух, сколько здесь молодых мужчин – взяла его оторопь. Их взгляды встречаются, выйдя в коридор, они уже не сдерживают своих чувств. Присев на скамейку во дворе он берет ее за руку – бережно, за пальцы.

– Я по-прежнему тебя люблю моя дорогая Лира! – признается Салих.

– Я тоже, – тихо вторит она. Потом они до глубокой ночи гуляли по бульвару и говорили, говорили... Проводив Леру до дому, стоя у ворот, Салих попросил:

– Лира, пожалуйста, возьми отпуск. Давай сделаем сюрприз маме, сестре и братишке. Вот так внезапно и вместе завалимся к ним. Я же еще им ничего не говорил о своем освобождении. Представляешь, я как снег на голову, причем, с невестой, да еще с какой?

– Знаешь, Салих. Сейчас мне отпуск вряд ли дадут. Тем более скоро мне сдавать экзамен по английскому языку. Я тебе не писала о том, что меня приглашают в Канаду наши партнеры по работе. Давай мы отложим поездку хотя бы на месяц. А ты поезжай, обрадуй маму и брата. Побудешь там, а затем может быть переберешься сюда? Все равно в селе безработица, а тут как-нибудь устроишься, – посоветовала она.

Что такое судьба, злой рок? Кто-то назовет случайностью, кто-то назовет стечением обстоятельств, а я назову это «решением». Решением нашей жизни, судьбы... Как? Зачем? Почему? Злой рок, судьба, назовите как хотите, но всё же она есть. Нет бы мне послушаться и поехать домой. Решил несколько дней остаться в городе, рядом с Лирой. В один из дней

на улице его окликнул Неш. – - О, братан, привет! Откуда и как? Слышал, что сидел, а когда откинулся? – тараторил он.

– Только, что вышел. Даже дома еще не был. Не могу надышаться свободой, – честно признался Салих. – А ты как? Как там ребята из бригады?

– Кубу в прошлом году замочили. Мы его похоронили. Сам знаешь, родных у него не было, рос в детдоме. До сих пор непонятно, кто его заказал. Кася и Саню закрыли за грабеж. Вот уже четвертый год сидят. Нук и Бада в бегах. Не знаю, где они сейчас обитают. А что касается меня, то я также отмотал свой срок и, как видишь, на свободе. Слушай Соха. Пойдем, посидим в кафешке, поботаем.

В кафе они выпили, как это принято, вначале за освобождение Салиха из мест не столь отдаленных. Потом помянули Кубу, а потом пошло и поехало... за встречу, за будущее, за друзей, ну как полагается друзьям, давно не видевшим друг друга. На следующий день они заехали к Лире, уговорили ее отпроситься на день и выехали на природу в ближайшее ущелье. До полуночи сидели у костра, пели любимые песни. Салих и Бота еще тогда в бригаде хорошо спелись, оба играли на гитаре и пели вместе в два голоса. На этот раз Салих спел свою песню, посвященную своей маме. Так она впервые услышала эту очень трогательную, грустную песню о маме: «Мама, благодарю тебя за сердце золотое. За нежность, что дарила ты мне. Твоя улыбка всей вселенной стоит. Нет никого дороже для меня. Я прошу, чтобы ты меня простила, за все печали, что принес тебе. Пою тебе, колени приклоняя».

Еще тогда она была поражена тем, что для такого отъявленного и дерзкого хулигана мать была воплощением Бога на земле. Именно за это она уважала и любила Салиха. До глубины души она была тронута святым его отношением к матери, а ведь ничего другого святого в его душе и не было. И эту святость он пронесит через всю свою трудную судьбу. Бедный мой Салих! – за что тебе такая жизнь? Открытый и надежный, а связался с дурной компанией. Во всем она винила его наивность и романтизм, стремление проявить себя любым способом. А ведь это ошибка многих десятков и сотен тысяч молодых ребят из сельской глубинки, – грустно размышляла Лира, слушая эту песню. Она нежно смотрела на Салиха в профиль в отсвете костра. Сильный, уверенный, надежный, а что еще ей нужно? Она его любит. Любовь взаимна. А может быть к черту граница. Взять и уехать к Салиху на его малую родину, выйти замуж за него, народить детей, – думалось Лире.

Уже за полночь вернулись в город. Оставив ее у ворот дома, ребята уехали. Нужно же было наткнуться на патруль гаишников. Гаишник, убедившись в том, что водитель и его пассажир выпившие, забрал документы машины и пошел дальше контролировать шоссе. Уговорить его друзьям не удалось, слово за слово, разразилась потасовка, Салих не сдержался, возьми да избил гаишника. Тот доложил о случившемся по рации, в миг понаехали три патрульных бригады, их скрутили и увезли на дознание. Ну а там. Прознав, что Салих – рецидивист, вообще озверели. Суд да дело, его вновь осудили на четыре года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.